

Народный артист России, романтик романса и защитник улиц разбитых фонарей Евгений Дятлов рассказывает о том, что по сравнению с вопросами господина ведущего крылатые ракеты – ерунда, и сожалеет о коктейле и соломинках.

- Как давно вы смотрите программу «Что? Где? Когда?»?

- Давно, очень давно. Я помню, когда все еще молодые были: Бялко, Каморин, Нурали Латыпов. Ну, и, собственно говоря, Александр Друзь. Все, кто были с самого начала, - они у меня стоят перед глазами. Замечательные люди.

- Вы тогда могли себе представить, что сами станете знатоком?

- Нет, конечно же. Это для меня интересный жизненный опыт и очень большая радость. На самом деле это как-то так неожиданно. В моей жизни есть такие события, как в сказке. Они сбываются как-то так неожиданно, необычно. Это здорово. Мне очень нравится, что я побывал в клубе.

- У вас есть любимый знаток?

- Александр Друзь мне больше всех всегда нравился. И Нурали Латыпов. Да они все были отличные! У всех такие лица, все настолько замечательные! Ореол возвышенности какой-то... Элита. Какая-то не обозначенная, не провозглашенная,

официально не заштампованная... Такой отдых для души. И ведение Ворошиловым, и все, что происходило, и книги, которые отсылали победившим телезрителям, - это был чистый-пречистый праздник.

- Когда вам предложили сесть за игровой стол, какая была ваша первая мысль?

- Я на самом деле просто хотел окунуться в эту атмосферу. У меня никаких таких амбициозных мыслей или, Боже избавь, каких-то эгоистичных, шкурных – не было.

- Когда на тренировке вам предложили сесть в капитанское кресло, вы сказали «Это ненадолго». Почему?

- Потому что на самом деле я отношусь к тем людям, которые берут на себя ответственность только в момент, скажем так, стопроцентной подготовленности. Я не настолько... Точнее, я, конечно, авантюрист, но если у меня начинает срабатывать какая-то авантюрная зона, то при этом я не люблю брать ответственность за других. Поэтому скажем так: индивидуально я – авантюрист, а группово – если я собираюсь вести людей, то я должен четко знать и четко отвечать за свои действия, нести ответственность за всех. Капитан команды, по-моему, - это именно человек, который берет на себя ответственность. Но в данном случае Марат Башаров так активно отказывался... На самом деле, когда мы пришли на программу, внутренне у меня не было никакого ущемления, если бы Марат был капитаном. Но когда ему сказали «Давай капитаном!», он ответил «Нет! Нет-нет-нет-нет-нет»... Когда я услышал, что Ольга уже участвовала в подобных передачах, я посчитал, что это разумно, - значит, Ольга не будет тратиться на волнение, а будет управлять нашим кораблем. Но у тех, кто нас подготавливал, возникло такое вот альтернативное мнение. Я подумал, что эти люди, наверное, знают чего-то больше, чем мы. Я имею в виду, с точки зрения расклада сил, о которых сами участники не подозревают. Поэтому я согласился. На самом деле внутренне я именно в этой затее себя капитаном, конечно же, не ощущал.

- То есть, вас насильно «окапитанили»? Сожалеете?

- Нет, конечно. Мы не смогли справиться с волнением, и, наверное, моя капитанская вина в этом есть. Но на самом деле я получал удовольствие и радовался тому, что происходит, как мы участвуем в заданиях, как мы берем на себя всю эту активность, как мы в ней купаемся-ковыряемся... В общем, мне все нравилось очень.

- Актерское мастерство, умение перевоплощаться – это за столом помогает? Удалось ли вам, как вам кажется, сыграть знатока?

- По крайней мере, те актеры, что сидели за столом, включая меня, - им это особо не помогало. Может быть, другие актеры, кто-то более подвижный, - возможно, им какие-то импульсы помогли бы больше. Мне кажется, это от актерства не зависит. Это зависит немножко от другого. Может, от способности быстро адаптироваться. Потому что я действительно я не могу назвать вопросы, которые нам задавали, вопросами из области каких-то неведомых нам знаний. Нужно было какое-то поступательное движение логики, и мы не особо справились.

- Что можете сказать о своей команде? Кто-нибудь удивил вас неожиданными идеями, всплесками версий?

- Да все. Все были поставлены в цейтнотное положение, это был такой адреналин, и вот эта вот «вздернутость»... Меня удивили все. Как они воспринимали задачу, как они ее принимали в себя, как с этой задачей прокручивались за эту минуту, что с людьми происходило... Ну, это же интересно. Мне очень все понравилось. Я думаю, что у актеров, как правило, наступает ступор, когда нужно принимать интеллектуальные решения. Актер – он органичен в игровой зоне. То есть, за счет каких-то эмоциональных, чувственных решений. Другой канал информации действует.

- Игра началась для вас неудачно, со счета 0-3, но потом вам все-таки удалось догнать телезрителей. Что помогло собраться в критический момент?

- Честно говоря, нам-то конкретно помогла помощь зала, а потом уже такое стечение обстоятельств, что вопросы были нам более-менее как-то приемлемы. А первые – это просто какие-то такие удары, мозг не адаптирован абсолютно к этому режиму. Поэтому мы так: в три-ноль, всухую пошли.

- За какой вопрос вам больше всего обидно?

- Обидно за коктейль. Абсолютно несложный. Лично я, например, сколько живу, и подают нам коктейли с двумя трубочками, - я не удосужился, и мне было как-то неловко (боялся, видимо, выглядеть совершенным невеждой, каким-то селянином), никогда не спрашивал ни у кого: «А почему две трубочки?» И в жизни у меня были моменты, когда меня подмывало спросить: «А на фига эти две трубочки? Чтобы два человека пили?» Если бы мне раньше объяснили, если бы я точно знал, что в коктейле две трубочки именно для этого, - то, естественно, этот вопрос не составил бы вообще никакого труда. По этому поводу мне и обидно очень. Тогда бы я, естественно, сразу вышел на подобную логику. Другой логики там и быть не может, честно говоря.

- Почему, как вам кажется, ваша команда проиграла? Чего не хватило?

- Ну, не знаю. Для меня и, думаю, для ребят это все выглядело, как игра в рулетку. Крутишь барабан, и – черт его знает, куда оно вынесет. Вынесло куда-то, где нашим мозгам была возможность хоть чуть-чуть продвинуться вперед, - продвигались. Может быть, не хватило веры в то, что если все-таки куда-то двигаться, мозги за тебя найдут ответ. То есть, ты даже и не знаешь – а мозги знают. И надо снять эту заслонку, чтобы они тебе же самому и сказали, где ответ. Вот веры в это, видимо, не было. То есть, все верили в то, что если они знают – то ответят, если не знают – то чего пыжиться? Наверное, такая была установка и позиция. Это не значит, что мы ее приняли как основополагающую. Это естественно в нас сидело: «Если я не знаю – ну чего выкидывать тут коленца?» А если я чуть-чуть знаю, и чувствую – вроде есть намек на то, что можно подойти к ответу, - тогда мы шевелились. А какие-то вопросы, которые мы не отгадали, казались нам безвыходными. Мы не верили, что выход есть.

- Играть в «Что? Где? Когда?» сложнее, чем программировать крылатые ракеты?

- Я думаю – сложнее. Потому что для программирования крылатых ракет есть практически все данные, и остается только выстроить схему, которая будет работать. А в данном случае даются некие условия, но как двигаться – это лежит все-таки иногда за пределами знаний, где-то в подсознании. Поэтому тут надо интуицией обладать. А крылатые ракеты – там все поступенчато и понятно.